

УДК: 316.34

DOI: 10.17223/1998863X/62/11

А.Б. Рахманов

РОБОТЫ, СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ, СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ КУХНЯ И ЧИЛИЙСКИЙ ПАРАДОКС: ФОРМИРОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОЛЕТАРСКОГО КЛАССА

В современную эпоху глобального капитализма возникает глобальный пролетарский класс. Рассматриваются концепции американских исследователей И. Несса, Д. Струны и М. Эннера, посвященные различным аспектам этого процесса. Автор предпринимает исследование продолжительности рабочего времени, производительности труда и продолжительности жизни как основных характеристик социального бытия пролетарских классов ведущих стран мира.

Ключевые слова: транснациональные классы, глобальный пролетариат, роботы, труд, продолжительность жизни, климат, кухня

Введение

В нашу эпоху на планете формируется глобальный капитализм, который предполагает становление глобальной (транснациональной) классовой структуры, включающей в себя глобальные классы, объемлющие все человечество и существующие поверх границ. С точки зрения неомарксизма речь идет о транснациональном (глобальном) капиталистическом классе (ТКК) и транснациональном (глобальном) пролетарском классе. Второй сформирован в меньшей степени, чем первый, — американские ученые У. Робинсон и Д. Харрис еще в 2000 г. отметили, что транснациональный пролетариат пока еще является классом-в-себе, тогда как транснациональный капиталистический класс уже представляет собой класс-в-себе-и-для-себя [1, 2]. Если о ТКК существует масса исследований, то глобальный пролетарский класс изучен намного меньше. Американский ученый Д. Струна констатировал еще в 2009 г., что «глобальный пролетариат остается недообъясненным явлением, и теоретических исследований, касающихся его, недостает» [3. Р. 232]. Это наблюдение остается верным и сейчас.

Работа, посвященная изучению глобального пролетарского класса, тем не менее продвигается. Исследователи, в частности, затрагивают отношения глобального капитала и глобального труда [4], различные аспекты труда в мировой высокотехнологической промышленности [Ibid], глобальный труд в цифровом контексте [5], глобальный академический пролетариат [6], особенности труда в глобальной швейной промышленности [7], трудовые отношения в индустрии фаст-фуда ведущих стран мира [8], гендерные аспекты транснационального информационного труда [9], положение китайских высококвалифицированных работников на глобальном рынке труда [10], профсоюзное и рабочее движение в глобальной экономике [11]. Рассмотрим более подробно некоторые из этих исследований глобального пролетарского класса.

Глобальный пролетарский класс и его исследование

Американский ученый И. Несс вступил в спор с распространенными в социальных науках идеями о пришествии постиндустриального общества, о конце промышленности, труда, индустриального рабочего класса и т.д. [12]. Он полагает, что в последние десятилетия произошла трансформация пролетарского класса западных стран: лица наемного труда превратились из промышленных армий в массу работников сервисного и торгового труда, что привело к ослаблению профсоюзов в странах Севера, к превращению этих стран в периферию глобального рабочего класса. Несс указывает, что ученые в развитых странах делают акцент на изучении неструктурированных и нерегулируемых рынков труда – прекариате, представителях домашнего труда, сексуальных работниках, уличных торговцах, торговцах фаст-фудом из мобильных киосков, таксистах и других категориях, занятых главным образом в неформальной экономике. Но это только небольшая часть трудящихся планеты.

Несс подчеркивает, что индустриальный рабочий класс в современном глобальном обществе не исчез, а был воспроизведен в странах глобального Юга, причем в невиданных доселе масштабах, – пролетариат глобального Юга в начале XXI в. по своей численности превосходит рабочий класс глобального Севера времен его расцвета в середине XX в. Развитие глобального капитализма и политика неолиберализма после 1980-х гг. привели к перемещению индустриальных производств с глобального Севера на глобальный Юг, причем деиндустриализация западных стран сопровождалась индустриализацией глобального Юга и ростом мирового рабочего класса. Глобальный капитал привлекает дешевизна рабочей силы в этом макрорегионе и готовность трудящихся развивающихся стран работать на кабальных условиях.

Важную роль в формировании глобального рабочего класса играет массовая трудовая миграция – как с глобального Юга на глобальный Север, так и внутри этих макрорегионов. Трудовая миграция в развитые страны поощряется для того, чтобы увеличить резервную армию труда и поддерживать в них низкий уровень оплаты и тяжелые условия труда. Индустриализация Европы и Северной Америки в XIX–XX вв. в значительной мере зависела от притока рабочих-иммигрантов, чаще всего из сельской местности. Подобно этому, пишет Несс, современная индустриализация глобального Юга зависит от наличия огромных масс рабочих, мигрирующих из сельских территорий в индустриальные зоны. Бывшие сельские жители, вырванные из контекста традиционных социальных связей, став атомизированными, не осведомленными о своих правах и неорганизованными работниками, становятся наиболее эксплуатируемой и бесправной частью глобального рабочего класса.

Несс пишет, что глобальный неолиберальный капитализм эксплуатирует расовые, этнические, возрастные, кастовые и гендерные различия среди трудящихся с целью создания иерархической системы, которая предполагает фаворитизм для немногих (трудящиеся глобального Севера) и низкую заработную плату и тяжелые условия труда для большинства (трудящиеся глобального Юга). Уровень эксплуатации труда на глобальном Юге намного выше, чем в развитых странах. Условия труда и быта рабочих в странах глобального Юга напоминают картины, встающие со страниц книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

Несс полагает, что стремительное капиталистическое развитие глобального Юга вновь сделало актуальными марксистские дебаты о природе рабочего класса. Индустриальное производство, ориентированное на экспорт, создает классовую структуру, развертывающуюся поверх национально-государственных границ. Несс полагает, что модели организации рабочего класса, сформированные в развитых странах в XX в. и нацеленные на мобилизацию рабочего класса в границах национальных государств, малоэффективны в условиях глобального капитализма и, более того, являются препятствиями для развития рабочего движения. Промышленные рабочие глобального Юга для защиты своих интересов должны прибегать к широкому спектру действий как внутри профсоюзов, так и вне их. Традиционные профсоюзы зачастую не способны защитить интересы трудящихся в условиях глобального капитализма – они либо возникли в другую эпоху (случай Индии), либо связаны с государством (случай Китая). По мере индустриализации стран глобального Юга в качестве ответа на жесткую эксплуатацию движение трудящихся по защите своих интересов будет возникать с неизбежностью, замечает И. Несс.

Американский ученый Д. Струна полагает, что классовый анализ в современную эпоху не устарел, а должен быть преобразован в соответствии с реалиями глобального капитализма [3]. Это предполагает выделение различий внутри глобального пролетарского класса. Таковыми являются, во-первых, физическая мобильность, развертывающаяся в национальном или всемирном масштабе, и, во-вторых, географические границы использования рабочей силы работников в рамках производственных циклов. Первое касается того, перемещается ли работник к месту производства или же он зафиксирован на этом месте, второе – того, перемещаются ли продукты труда к работнику (случай транснациональных производственных цепочек) или же продукты являются фиксированными географически (случай локальных производственных цепочек). В соответствии с этим Струна подразделяет глобальный пролетариат на шесть фракций.

Динамически-глобальная фракция включает работников, чья производственная активность и продукты труда диффузны по отношению к фирмам и национальным государствам, т.е. развертываются за их пределами. Работники этого типа мобильны, регулярно пересекают границы государств – их рабочая сила используется в рамках транснациональных производственных цепочек. К этой фракции относятся менеджеры среднего звена, координаторы проектов, профессионалы в области ИТ, журналисты, работники авиакомпаний. Природу этой фракции Струна выражает формулой «работник гибко движется к месту производства» [Ibid. P. 259].

Статически-глобальная фракция состоит из работников, производственная активность которых является географически фиксированной внутри национальных государств, но продукты их труда диффузны, распространяясь за их пределы. Работники этого типа жестко фиксированы в территориальном отношении в определенном звене транснациональной производственной цепи. Зарплата работников в этом случае может значительно варьировать в зависимости от места нахождения, квалификации и позиции в производственной цепочке. В связи с этим уровень развития классового сознания внутри фракции очень разный. К этой фракции относятся работники ИТ, сотрудники

call-центров, которые принимают звонки с разных континентов в течение суток, работники автосборочных конвейеров, работники транспорта и сферы услуг, члены голливудской гильдии сценаристов. Суть этой фракции – «продукт последовательно движется к работнику» [З. Р. 259].

Диаспорально-глобальная фракция включает работников, производственная деятельность которых диффузна в географическом отношении благодаря их трансграничным миграциям, причем продукты труда работников этого типа могут быть и не быть диффузными по отношению к фирмам и национальным государствам. Работники этого типа, как и представители первой фракции, перемещаются через границы государств, но их труд является нелегальным. Они трудятся в тяжелых условиях и являются объектом жесткой эксплуатации, причем капитал использует расовые и культурные различия внутри пролетариата. Существуют заметные различия в оплате и условиях труда работников этого типа в разных регионах мира. К этой фракции относятся сельскохозяйственные рабочие, работники сборочных конвейеров заводов, работники домашнего труда и сферы услуг. «Работник движется к месту производства» – резюмирует Струна [Ibid].

Динамически-локальная фракция включает работников, производственная деятельность которых диффузна по отношению к фирмам, но происходит внутри определенных национальных государств. Рабочая сила используется в рамках национальных производственных цепочек. К этой фракции относятся работники, связанные с торговлей, менеджеры, водители грузовиков, инженеры, работники железных дорог, врачи и другие профессионалы. Струна замечает: «Работник гибко движется к месту производства» [Ibid. Р. 260].

Статически-локальная фракция включает в себя работников, производственная активность и продукты труда которых являются фиксированными в географическом отношении в рамках фирм и национальных государств. Представители этой фракции работают в промышленности и сфере услуг. Главным образом эта фракция существует в развивающихся странах, поскольку в развитых странах мало работников, включенных только в национальное разделение труда и ориентированных только на национальный рынок. «Продукт может (или не может) двигаться к работнику внутри локальных контекстов» [Ibid].

Диаспорально-локальная фракция включает в себя работников, производственная деятельность и продукты труда которых в географическом отношении диффузны внутри национальных государств. К этой фракции относятся работники, оторванные от своих прежних мест труда в результате экономических кризисов, стихийных бедствий. Примером могут послужить работники из так называемого «Ржавого пояса» штатов США, которые мигрировали в другие штаты. «Работник движется к местам производства внутри государства» [Ibid].

Динамически-глобальная фракция образует высший слой глобального пролетариата в силу высокой заработной платы, значительной автономии труда (в том числе по отношению к национальным государствам) и того, что ее представители нередко выполняют управленческие функции. При этом самой массовой является статическо-глобальная фракция. Если эта фракция окажется способной к транснациональной организации, то она сможет доминировать внутри мирового пролетарского класса. Если же диаспорально-

глобальная фракция сможет организовать в транснациональном масштабе и улучшить условия трудовой мобильности, а также обеспечить соблюдение прав мигрантов, то она сможет доминировать во внутриклассовой иерархии и стать авангардом борьбы глобального пролетарского класса за свои интересы.

Американский ученый М. Эннер на примере ситуации в мировой швейной промышленности выделил модели контроля над трудом и паттерны сопротивления трудящихся [13]. Эннер исходит из анализа 10 азиатских и латиноамериканских стран, являющихся ведущими экспортерами швейной продукции в мире, что вполне логично, поскольку швейное производство в эпоху глобализации сконцентрировано главным образом в развивающихся странах. Эннер полагает, что в мировой швейной промышленности существуют три модели контроля над трудом: 1) контроль со стороны авторитарного государства; 2) контроль со стороны деспотического рынка; 3) репрессивный контроль предпринимателей.

Первая модель характерна для развивающихся стран с авторитарными государствами. В рамках этой модели труд контролируется с помощью системы законных и незаконных механизмов, призванных предотвратить или ограничить независимые организации работников и их коллективные действия по защите своих интересов. В этих странах нет эффективных независимых профсоюзов, а официальные профсоюзы выполняют второстепенные и декоративные функции. Это случай Китая и Вьетнама.

Вторая модель характерна для бедных развивающихся стран со слабыми государствами и низким уровнем жизни населения. В этих странах существует избыток дешевой рабочей силы. В таких странах рабочие не только получают очень низкую заработную плату, но и трудятся в тяжелых условиях, например при нарушении норм безопасности на рабочем месте, в аварийных зданиях, что нередко приводит к обрушению производственных сооружений и массовой гибели работников. В этих странах труд контролируется с помощью жесткого рынка труда: любой протест работников приводит к увольнению и последующей длительной безработице. Страх быть уволенным сдерживает протестную активность и организацию трудящихся. Это случай Бангладеш и Индонезии.

Третья модель характерна для развивающихся стран со слабыми и коррумпированными государствами и традициями вооруженной партизанской борьбы. Эта модель предполагает использование предпринимателями физического насилия против организаций трудящихся, профсоюзных и пролетарских активистов. Против активных участников пролетарского протеста используются избиения, похищения, убийства и иные формы насилия, что сдерживает участие трудящихся в борьбе за свои права. В качестве средства насилия предприниматели используют парамилитарные формирования, в состав которых входят, как правило, отставные или действующие в свободное от работы время военные, полицейские и сотрудники спецслужб. Эта модель главным образом характерна для Латинской Америки, и ее представляют случаи Гондураса, Сальвадора, Гватемалы и Колумбии.

Эннер подчеркивает, что вычленение трех режимов контроля над трудом служит эвристическим приемом, и эти модели являются идеальными типами в духе М. Вебера. В одной и той же стране они довольно часто сочетаются,

но все же можно говорить о преобладании той или иной модели в данной стране. Например, в Бангладеш доминирует рыночный контроль над трудом, но в этой стране рабочих нередко убивают во время трудовых конфликтов. Во Вьетнаме преобладает государственный контроль над трудом, но существует и контроль над ним со стороны деспотического рынка.

Эннер выделяет три паттерна протестной активности работников, указывая, что последние отчасти определяются моделями контроля над трудом. Во-первых, это стихийные забастовки, которые организуются быстро, являясь неожиданностью для предпринимателей, в силу чего их трудно предотвратить; во-вторых, международные соглашения, касающиеся прав трудящихся; в-третьих, трансграничная организация акций по защите интересов трудящихся. Работникам из стран с авторитарными государствами в большей степени подходят стихийные забастовки. В этом случае работники не склонны к международным акциям в духе пролетарского интернационализма – им важно «перехитрить» официальные профсоюзы. В странах с деспотическим рынком труда необходимостью является обращение к международным соглашениям с тем, чтобы использовать внешнее давление на свое государство. Трансграничные акции протеста адекватны условиям стран, в которых доминирует модель репрессий против труда. Эннер указывает, что сопротивление трудящихся в глобальной швейной промышленности нередко приводит к внушительным успехам.

Очевидно, что выделенные Эннером модели контроля над трудом и паттерны сопротивления применимы к любой отрасли экономики развивающихся стран, но не к развитым странам, в которых существуют мощные традиции защиты труда и где решение конфликтов между трудом и капиталом принимает цивилизованные формы.

Продолжительность рабочего времени

Рассматривая глобальный пролетариат, предпримем собственное исследование ряда аспектов его социального бытия. Важнейшими характеристиками положения пролетарского класса любой страны являются средние продолжительность труда, производительность труда и продолжительность жизни. Первая характеристика говорит о том, сколько приходится работать среднему работнику, вторая – сколько богатства он создает в единицу времени, следовательно, насколько развиты производительные силы страны, об уровне развитости и сложности труда, о том, насколько высок уровень квалификации и образования среднего работника, следовательно, насколько развита система образования и насколько интеллектуален средний работник, третья – о том, какие блага он получает за свой труд, в каких условиях приходится трудиться, что и приводит к удлинению или сокращению жизни. Средняя продолжительность жизни касается населения в целом, но в большинстве стран мира большинство населения – это лица наемного труда, и, следовательно, по этому показателю мы можем судить о продолжительности жизни именно пролетарских классов разных стран.

Если говорить о средней продолжительности труда, то, очевидно, наиболее показательными являются данные о ее среднегодовом измерении, что позволяет учесть выходные дни, праздники и отпуска в течение года, которые могут серьезно различаться в разных странах. Рассматривать продолжитель-

ность среднегодового рабочего времени в ведущих странах мира мы можем с помощью статистики сайта Our World in Data, который агрегирует официальные данные статистических ведомств ведущих стран мира. Сведения о производительности труда в этих странах мы можем почерпнуть, обратившись к статистике Международной организации труда, сведения о средней ожидаемой продолжительности жизни нам предоставит статистика Всемирного банка. В первом случае самые свежими являются данные за 2017, во втором – за 2019, в третьем – за 2018 г. Сведем эти данные воедино (таблица). Страны ранжированы по продолжительности труда в 2017 г.

Продолжительность рабочего времени, производительность труда и продолжительность жизни в ведущих странах мира*

Страна	Среднегодовая продолжительность рабочего времени, часы		Производительность труда в 2019 г., \$/час	Продолжительность жизни в 2018 г., годы
	В 2017 г.	Изменение с 2000 по 2017 г.		
Мексика	2 255	-56	41,55	74,99
Сингапур	2 238	-225	151,52	83,15
Малайзия	2 238	-65	61,29	76,00
Бангладеш	2 232	+15	10,07	72,32
ЮАР	2 209	-167**	42,21	63,86
Таиланд	2 185	-318	31,20	76,93
Китай	2 174	+84	32,00	76,70
Вьетнам	2 170	-224	11,97	75,32
Филиппины	2 149	+62	20,43	71,10
Индия	2 117	+30	21,18	69,42
Пакистан	2 096	-90	15,29	67,11
Южная Корея	2 063	-446	71,12	82,63
Польша	2 028	-54	64,49	77,60
Индонезия	2 024	+111	25,41	71,51
Греция	2 017	-91	69,82	81,79
Тайвань	1 990	-190	91,60	н/д
Россия	1 974	-8	52,97	72,66
Чили	1 974	-289	49,46	80,04
Израиль	1 921	-114	76,94	82,80
Португалия	1 863	-54	61,36	81,32
Турция	1 832	-105	72,30	77,44
Чехия	1 776	-120	68,25	79,03
США	1 757	-88	116,38	78,54
Япония	1 738	-121	75,38	84,21
Австралия	1 731	-123	91,13	82,75
Италия	1 723	-128	92,30	83,35
Бразилия	1 709	-129	32,23	75,67
Канада	1 696	-83	85,73	81,95
Аргентина	1 692	-170	42,09	76,52
Испания	1 686	-67	84,69	83,43
Великобритания	1 670	-23	81,37	81,26
Австрия	1 613	-185	94,64	81,69
Швеция	1 609	-33	95,16	82,56
Уругвай	1 552	-152	45,02	77,77
Бельгия	1 544	-51	103,78	81,60
Франция	1 514	-36	96,45	82,72
Нидерланды	1 430	-32	97,62	81,81
Дания	1 400	-66	97,70	80,95
Германия	1 354	-98	90,49	80,89

* Составлено и подсчитано по: [14–16].

** С 2001 по 2017 г.

Продолжительность рабочего времени в 2017 г. в разных странах мира сильно различалась. Свыше 2 000 часов в год в среднем трудились работники в Мексике, странах Восточной и Южной Азии, ЮАР, Польше и Греции. Заметим, что Греция является единственной из развитых стран, характеризующихся подобным сверхтрудом. Примечательно, что продолжительность труда в группе стран сверхтруда примерно соответствует уровню развитых стран 1938 г. – в этом году в Нидерландах трудились 2 281, в Дании – 2 203, в Великобритании – 2 200, во Франции – 2 198, в Бельгии – 2 196, в Германии – 2 187, в Италии – 2 162, Швеции – 2 131 час. Лидирующее положение Мексики в группе стран сверхтруда позволяет нам более многопланово понять массовую эмиграцию мексиканцев в США – уехать на север от Рио-Гранде означает не только больше зарабатывать, но и меньше работать: средний мексиканец в 2017 г. работал на 498 часов больше, чем средний американец.

Менее 1 700 часов в 2017 г. в среднем длился труд в странах Западной Европы, а также в Канаде, Аргентине и Уругвае. Лидеры по кратковременности труда – страны континентальной Западной Европы – являются бастионом социал-демократического варианта капитализма, «капитализма с человеческим лицом», который в политической риторике США часто называют «социализмом». В 2017 г. средний немец трудился на 901 час меньше, чем средний мексиканец, и на 403 часа меньше, чем средний американец. Почти все «малоработающие» страны относятся к числу развитых. Исключения – Аргентина и Уругвай, с конца XIX и начала XX в. являющиеся наиболее передовыми странами Латинской Америки, к тому же населенными практически исключительно потомками европейских иммигрантов.

Израиль, Тайвань, Россию, Чили, Португалию, Турцию, Чехию, США, Японию, Австралию, Италию и Бразилию условно можно отнести к странам со средней продолжительностью труда (свыше 1 700 и менее 2 000 часов). В эту группу входят как развитые, так и развивающиеся страны. Заметим, что Россия лишь немного не дотянула до отметки в 2 000 часов, но, принимая во внимание значительный объем теневой экономики в нашей стране, то, что немалая часть работников трудится на двух-трех-четырех работах, из которых статистика учитывает только одну, скорее всего, Россия по этому показателю уверенно входит в число самых работающих наций.

Статистика продолжительности рабочего времени позволяет скорректировать некоторые этнические гетеростереотипы, в частности широко распространенное представление о японцах как о нации работооголиков. В соответствии с этим стереотипом принято ссылаться на то, что в Японии нередки случаи смерти от переутомления на рабочем месте («кароси»). Однако статистика показывает, что современные японцы не относятся к числу самых трудолюбивых наций – они работают меньше, чем жители Турции, США, России, Чили, Чехии, Греции, не говоря уже о Мексике и странах Юго-Восточной Азии. Изучение динамики продолжительности труда во второй половине XX в. позволяет понять, как возник этот гетеростереотип. В 1950 г. японцы трудились меньше, чем жители почти всех западноевропейских стран, правда, немного больше, чем американцы, но уже в 1960 г. Япония по продолжительности труда опередила большинство западных стран, и ее пребывание в числе лидеров по продолжительности среди развитых стран продолжалось примерно до 2014 гг. С 2015 г. японцы работают уже меньше, чем

американцы, но больше, чем западноевропейцы. При этом японцы после Второй мировой войны всегда работали меньше, чем греки, португальцы, латиноамериканцы, тайваньцы и южнокорейцы [14].

Заметим, что сопоставление продолжительности и производительности труда в разных странах обнаруживает, что, как правило, они связаны обратной пропорциональной зависимостью. В подавляющем большинстве случаев высокая производительность труда говорит о высоком уровне развития страны, поскольку за ним стоит применение передовых средств производства, высокая квалификация работников, высокий уровень развития образования и т.п.¹ Лишь в Сингапуре, Южной Корее и на Тайване значительная продолжительность труда сочетается с высокой производительностью, что говорит о высокой степени эксплуатации рабочей силы, и это является одним из оснований стремительного роста этих стран в последние десятилетия XX в.

Показательны данные о динамике продолжительности труда. В большинстве стран с 2000 по 2017 г. произошло сокращение среднегодового рабочего времени, причем в некоторых случаях оно было очень значительным (в Южной Корее, Таиланде, Чили, Сингапуре и Вьетнаме). Заметно уменьшилось время труда в развитых странах, в которых оно и без того было не столь значительным. В России сокращение продолжительности труда было очень незначительным, можно сказать, что оно практически не изменилось. Это означает, что нынешнему поколению работников приходится трудиться столько же, сколько и их родителям. В Китае, Индии, Бангладеш, Индонезии и на Филиппинах ситуация выглядит еще более драматичной: среднее рабочее время увеличилось. Заметим, что это страны, которые в недавнем прошлом либо осуществили промышленную революцию, либо близки к этому.

Продолжительность труда и развитие производительных сил

В развитых странах снижение продолжительности труда началось еще во второй половине XIX или в начале XX в. В 1870 г. средняя продолжительность труда в промышленности развитых стран была огромной и намного большей, чем ныне в Мексике и Юго-Восточной Азии – 3 483 часа в Бельгии, 3 436 в Швеции, 3 434 в Дании, 3 284 в Германии, 3 168 во Франции, 3 096 в США, 2 755 часов в Великобритании [Ibid]. Британские ученые Ч. Жаттино, Э. Ортис-Эспина и М. Розер, ссылаясь на историческую статистику, касающуюся западноевропейских стран и США, указывают, что осуществление промышленной революции во второй половине XIX и начале XX в. вело к последующему снижению продолжительности рабочего времени в этих странах [Ibid]. Впоследствии продолжительность труда неуклонно сокращалась, хотя и нелинейно. В частности, после Второй мировой войны произошел всплеск продолжительности труда в странах – участницах войны, особенно в побежденных странах – Германии, Италии и Японии, что вполне объяснимо.

¹ Исключением служат находящиеся вне орбиты нашего анализа небольшие страны с исключительными географическими условиями – громадной концентрацией полезных ископаемых (нефти и газа) – Катар, Кувейт, ОАЭ, Бруней и др. В их случае высокий среднедушевой ВВП и высокая производительность труда обусловлены не высоким уровнем развития производительных сил страны, а огромной природной рентой. Отчасти это относится и к Сингапуру, поскольку его высокие показатели обусловлены во многом территориальной рентой, связанной с выгодным положением на пересечении транспортных коммуникаций.

Случаи Китая, Индии, Бангладеш, Вьетнама и Филиппин, а еще ранее – Южной Кореи, показывают более сложную ситуацию: завершение промышленной революции приводит на первых порах (на 10–20 лет) к росту продолжительности труда, и лишь потом время труда начинает снижаться. По всей вероятности, это связано с тем, что индустриализация стран Южной и Восточной Азии происходила и происходит в условиях острой конкуренции в глобальной экономике, тогда как в эпоху индустриализации Западной Европы и США глобальной конкуренции еще не существовало.

В чем причина всемирного сокращения продолжительности труда в ходе последнего века? Марксисты-догматики объяснили бы ее, вероятно, результатами классовой борьбы, а сокращение времени труда в период с 1917 по 1991 г. связали бы с влиянием примера СССР и других стран социализма, что, безусловно, отчасти верно¹. Но, как представляется, большее значение имела другая причина, а именно прогресс производительных сил. И это, кстати, вполне логично вытекает из «Капитала» К. Маркса.

Развитие производительных сил, о котором мы судим по росту производительности труда, предполагает применение все более совершенных средств производства, превращение науки в непосредственную производительную силу, точнее, взаимопроникновение науки и производства, распространение наукоемких / высокотехнологичных отраслей экономики, что требуют более образованного и квалифицированного работника. Это, в свою очередь, означает высокий уровень фундаментальной и прикладной науки, а также системы образования. Развитие труда обуславливает необходимость освоения работником духовной культуры человечества.

В современном мире одним из важнейших индикаторов развития производительных сил является использование промышленных роботов, т.е. самоуправляющихся машин. Практическое применение промышленных роботов началось в 1961 г. в США, и с того времени их количество во всем мире непрерывно росло. В 2019 г. в мире эксплуатировалось 2,722 млн промышленных роботов – больше, чем когда-либо [17. Р. 8]. В 2020 г. было введено в эксплуатацию еще 373 тыс. новых промышленных роботов [Ibid. Р. 12]. Более всего роботы в 2019 г. применялись в автомобильной промышленности – 923 тыс., в электротехнической и электронной промышленности – 672 тыс., в металлургии и машиностроении – 281 тыс., в производстве пластмасс и химической промышленности – 182 тыс., в пищевой промышленности – 81 тыс. штук [Ibid. Р. 10]. Роботы применялись для выполнения рутинных операций, которые часто либо требуют недостижимой для человека быстроты, точности и однородности, либо происходят в опасных для человека условиях. Речь идет о погрузочно-разгрузочных работах, сварке, сборке, уборке производственных помещений с высокими технологическими требованиями к чистоте, фасовке, а также обработке сырья и полуфабрикатов.

Промышленные роботы применялись в мире крайне неравномерно: 73% используемых промышленных роботов приходилось всего на 5 стран – Китай, Японию, США, Южную Корею и Германию, что и позволяет считать

¹ Возникновение и развитие СССР, а затем и других социалистических стран, по всей вероятности, косвенно воздействовало на сокращение продолжительности рабочего времени в развитых капиталистических странах: сокращение территории мировой капиталистической системы (экстенсивный фактор) подталкивало развитие производительных сил (интенсивный фактор).

их 5 ведущими индустриальными державами современного мира. В 2019 г. в Китае было введено в эксплуатацию 140,5 тыс., в Японии – 49,9, в США – 33,3, в Южной Корее – 27,9, в Германии – 20,5, в Италии – 11,1, во Франции – 6,7, на Тайване – 6,4, в Мексике – 4,6, в Индии – 4,3, в Испании – 3,8, в Канаде – 3,6, в Таиланде – 2,9, в Польше – 2,6, в Чехии – 2,6 тыс. промышленных роботов [17. Р. 16].

Важным показателем, помимо абсолютного количества применяемых промышленных роботов, является плотность их применения. В 2019 г. в среднем в мире на 10 тыс. работников приходилось 113 промышленных роботов. Самая большая плотность их использования была характерна для Сингапура – 918 штук на 10 тыс. работников. Далее следовали: Южная Корея (855), Япония (364), Германия (346), Швеция (277), Дания (243), Гонконг (242), Тайвань (234), США (228), Италия (212), Бельгия и Люксембург (211), Нидерланды (194), Испания (191), Австрия (189), Китай (187), Франция (177), Словакия (169), Канада (165), Швейцария (161), Словения (157) [ibid. Р. 17]. Для России характерно чрезвычайное отставание в области роботизации не только от лидеров, но и от стран со средним уровнем роботизации: в 2017 г. в российской промышленности использовалось всего 4 (!) робота на 10 тыс. работающих [18]. При этом только 4% промышленных роботов, установленных в нашей стране, были произведены в России [19]. Мы видим, что, как правило, существует закономерность: чем выше плотность применения промышленных роботов, чем выше уровень развития производительных сил и меньше продолжительность труда. Исключения – Сингапур, Южная Корея и Тайвань, что уже было пояснено выше.

Применение промышленных роботов является наиболее типичной формой проявления автоматизации производства. Начало автоматизации труда обуславливает, во-первых, тенденцию завершения перехода от физического к умственному труду, во-вторых, начало перехода от рутинного умственного к частично или даже преимущественно творческому труду¹.

Труд, который в той или иной степени является творческим, предполагает тенденцию полного внутреннего подчинения работника процессу труда в связи с тем, что творчество означает всестороннее развитие личности работника, и труд, в котором заметную роль играют творческие компоненты, становится внутренней потребностью работника. В отличие от этого труд, основанный на господстве рутинных операций, предполагает лишь одностороннее развитие или даже несет вред личности работника, и такой труд может быть лишь внешней необходимостью и осуществляться ради его результатов – чаще всего денег. Труд, основанный на господстве творческих операций, осуществляется ради единства процесса и его результатов. Творческая деятельность, означающая развитие личности индивидуума, отрицает временные пределы труда, происходит исчезновение границ между рабочим временем и временем жизни, поскольку работник посвящает поиску решения творческих задач все свое время, в том числе возникает и соответствующая ориентация всего сознания человека, включая сферу бессознательного. Ра-

¹ Любой физический труд является рутинным, т.е. основанным на господстве повторяющихся операций, тогда как умственный труд может быть как рутинным, так и творческим. При этом творческий труд в некоторых случаях сопряжен со значительными физическими усилиями. Примером может послужить труд скульптора.

ботник творческого труда тяготеет к превращению в некое подобие великого химика Д.И. Менделеева, который видел сны, содержащие решения обуревавших его научных задач. Развитие производительных сил постепенно снимает одну из кантовских антиномий чистого разума – антиномию о свободе и необходимости в духе тезиса: человек оказывается подчиненным уже не только причинности по законам природы, необходимости (труду ради заработка), но и свободе (творческому саморазвитию). Творчество – это и есть свобода.

Однако в условиях капитализма задачи творчеству ставит в первую очередь капитал, хотя и он не может полностью его себе подчинить, поскольку природа капитала противоречит творчеству. Это обусловлено тем, что капитал есть бесконечное накопление стоимости посредством присвоения прибавочной стоимости, т.е. однородной субстанции, которая поддается калькуляции (количественному анализу). Отношения капитализма и творчества противоречивы: с одной стороны, зрелый капитализм порождает творчество как относительно массовое явление, с другой – ограничивает его, стремится держать его под уздой присвоения прибавочной стоимости, с третьей – сдерживать творчество капитализму удастся лишь отчасти. При капитализме будет доминировать тенденция подчинения творчества повторяющемуся труду. В частности, это проявляется в стремлении превращать интеллектуальный продукт в частную собственность и в явлении интеллектуального пиратства. Все это выступает как современная форма открытой К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в «Немецкой идеологии» диалектики производительных сил и производственных отношений.

Работник с развитием производительных сил, ростом автоматизации продолжает работать и вне рабочего места, а возникающее свободное время становится формально свободным. В этих условиях формальное сокращение продолжительности труда может сопровождаться его реальным увеличением. Таким образом, сокращение продолжительности рабочего времени в мире во многом обусловлено не столько тем, что люди начинают меньше работать, а тем, что происходит преобразование труда – форма, предполагающая деятельность на рабочем месте на территориально ограниченном предприятии и под непосредственным контролем капитала, вытесняется формой, предполагающей деятельность вне предприятия (на предприятии, рассеянном в пространстве) и под опосредствованным контролем капитала. Труд в современную эпоху не исчезает, а трансформируется. Яркими примерами такого труда является деятельность фрилансеров, которые уже полностью отделены от рабочего места на предприятии, труд ученых, преподавателей университетов, конструкторов, журналистов и ряда других профессиональных групп. Это показывает ограниченность идеи «конца труда» в духе Д. Рифкина¹ [20], которая к тому же не учитывает существования глобальной экономики, глобального разделения труда и возникновения глобального пролетарского класса, на что справедливо указал И. Несс.

¹ Д. Рифкин обосновывал «конец труда», в частности, ссылкой на рост безработицы в результате технологического прогресса. Однако он в этом оказался не прав: в 2005 г. доля безработных в странах Организации экономического сотрудничества и развития составляла 6,83%, в 2019 г. – 5,39% экономически активного населения. В США этот показатель был равен 5,07 и 3,67% соответственно [21].

Развитие производительных сил, автоматизация производства и рост творческого содержания труда предполагают рост уровня интеллекта работников. В эпоху автоматизации производства пожизненное совершенствование образования и самообразования работников становится необходимостью. Высокий интеллект, собственно, и означает способность решать нестандартные задачи, т.е. творить. Работник автоматизированного производства лучше, чем любой другой работник в истории, понимает закономерности, осознает свои интересы и сложнее поддается манипуляции, что означает коренное изменение положения трудящихся классов. Таким образом, положение Гегеля об истории как о прогрессе разума и свободы находит еще одно подтверждение.

Продолжительность жизни и ее факторы

Как показывает таблица, существует тенденция сопряженности высокой продолжительности жизни с высокой производительностью труда, что вполне закономерно: больший уровень развития производительных сил общества обуславливает больший уровень богатства страны и ее среднего гражданина, более благоприятный (с точки зрения и количества, и качества) уровень потребления, более высокий уровень медицинской помощи и образования, наконец, более высокий уровень интеллекта населения, что и результируется в более высокой продолжительности жизни.

Однако обусловленность высокой продолжительности жизни высокой производительностью труда является тенденцией, а не абсолютным законом, поскольку есть немало случаев, когда страна с более высокой производительностью труда характеризуется более низкой продолжительностью жизни. Например, производительность труда в США, Германии и Дании выше, чем в Японии, Испании, Израиле, Южной Корее, Греции и Португалии, но последние по продолжительности жизни заметно превосходят первых.

Особый интерес представляет случай Чили. Россия, едва превосходя Чили по производительности труда (при полностью тождественной продолжительности труда), значительно уступает ей по продолжительности жизни. США превосходит Чили по производительности труда более чем в два раза, чилийцы работают заметно больше, чем американцы, но американцы живут меньше, чем чилийцы. Чили ненамного превосходит соседние с ней Аргентину и Уругвай по производительности труда, но заметно опережает их по продолжительности труда. Это беспрецедентный случай и своего рода чилийский парадокс: уровень богатства – как в развивающихся, продолжительность жизни – как в развитых странах.

На мой взгляд, подобное несоответствие следует объяснить тем, что, хотя уровень социально-экономического развития и является основным фактором продолжительности жизни в любой стране, на нее влияют также и природные и природно-социальные факторы, а именно географическое положение, климат и во многом связанные с ними кулинарные традиции. Анализ вышеназванных случаев заставляет предполагать, что благотворно действуют на здоровье людей и способствуют удлинению жизни, с одной стороны, мягкий климат и близость теплого моря (океана), а с другой – обусловленные этим особенности кухни, т.е. потребление пищи, включающей обилие рыбы, морепродуктов, овощей и фруктов. Речь идет о типе кухни, которую принято называть средиземноморской. Суровый климат, удален-

ность от теплого моря (океана), кухня, основанная на потреблении в первую очередь мяса, картофеля, мучных изделий, равно как и фастфуда, воздействуют на здоровье людей не столь благотворно и не столь способствуют росту продолжительности жизни, как средиземноморская пища.

Чилийский парадокс, на мой взгляд, может быть объяснен аналогичным образом. Для этой латиноамериканской страны характерны средиземноморский климат и выход к теплему Тихому океану. Индикатором мягкости чилийского климата является то, что в этой стране развито виноградарство и виноделие, а чилийское вино ценится во все мире. Чили представляет собой очень длинную и узкую полосу тихоокеанского побережья, и, если использовать такой индикатор, как отношение площади страны к протяженности побережья, то эта страна является, вероятно, самой морской в мире. Благодаря этому Чили можно условно считать даже в большей степени средиземноморской страной, чем страны собственно Средиземноморья. Особенности географического положения страны обуславливают огромную роль в чилийской национальной кухне рыбы, морепродуктов, водорослей, овощей и фруктов, что вкупе с мягким климатом благотворным образом воздействует на здоровье ее граждан, включая, разумеется, и трудящийся класс. Следовательно, положение пролетарского класса в разных странах планеты обусловлено не только социально-экономическими, но и природными и социально-природными факторами.

Заключение

Глобальный капитализм XXI в. делает неизбежным формирование глобального пролетарского класса, интегральными компонентами которого являются трудящиеся классы всех стран мира, причем их национальная принадлежность в силу включения в мировое разделение труда и благодаря растущим миграциям и удаленной работе размывается с каждым днем. Для адекватного исследования положения глобального трудящегося класса в первую очередь следует рассматривать развитие производительных сил, мировое разделение труда, социально-классовую структуру, социально-классовые отношения и другие социальные факторы, что обычно и делают ученые, изучающие развитие этого класса. Однако необходимо снять социологизаторскую ограниченность, которая присуща большинству социологических и социально-философских концепций, включая классический марксизм и неомарксизм. Большое значение для положения работников имеют и природные факторы, как показало наше исследование. В частности, относительная невысокая продолжительность жизни в России обусловлена не только неблагоприятными социально-экономическими факторами (бедность большинства населения, невысокое качество пищи, недостаточное развитие системы здравоохранения, неблагоприятная экология и т.п.), но и суровостью климата и особенностями национальных традиций питания. Исследование диалектики социальных и природных факторов необходимо для улучшения положения трудящихся классов. Развивая производительные силы, автоматизацию производства и интеллектуализацию труда, защищая интересы трудящихся классов, следует учитывать и природные факторы, которые в немалой степени влияют на качество жизни и на ее продолжительность. Безусловно, климат и географическое положение той или иной страны не поддаются из-

менению, и мы не в силах, например, перенести ту или иную страну к теплому морю, но кулинарно-гастрономические традиции, будучи вполне историчными, поддаются корректировке. Проблема влияния географических и кулинарных факторов на продолжительность жизни человека подлежит дальнейшему изучению.

Литература

1. Robinson W., Harris J. Toward a Global Ruling Class. Globalization and the Transnational Capitalist class // Science & Society. 2000. Vol. 64, № 1. P. 11–54.
2. Robinson W. Global Capitalism and the Crisis of Humanity. New York : Cambridge University Press, 2014.
3. Struna J. Toward a Theory of Global Proletarian Fractions // Perspectives on Global Development and Technology. 2009. № 8. P. 230–260.
4. Lüthje B., Hürtgen S., Pawlicki P., Sproll M. From Silicon Valley to Shenzhen. Global Production and Work in the IT Industry. Lanham : Rowman & Littlefield, 2014.
5. Dyer-Witheford N. Cyber-Proletariat. Global Labour in the Digital Vortex. Toronto : Pluto Press, 2015.
6. Gypsy Scholars, Migrant Teachers and the Global Academic Proletariat. Adjunct Labour in Higher Education / ed. by R. Teeuwen, S. Hantke. Amsterdam ; New York : Rodopi, 2007.
7. Towards Better Work. Understanding Labour in Apparel Global Value Chains / ed. by A. Rossi, A. Luinstra, J. Pickles. New York : Palgrave Macmillan, 2014.
8. Labour Relations in the Global Fast-Food Industry / ed. by T. Royle, B. Towers. London ; New York : Routledge, 2002.
9. Gender in Transnational Knowledge Work / ed. by H. Peterson. Switzerland : Springer International Publishing, 2017.
10. Lu Y., Samaraturunge R., Härtel C.E.J. Skilled Migration, Expectation and Reality. Chinese Professionals and the Global Labour Market. Burlington : Gower, 2015.
11. Global Perspectives on Workers' and Labour Organizations / ed. by M. Atzeni, I. Ness. Singapore : Springer, 2018.
12. Ness I. Southern Insurgency. The Coming of the Global Working Class. London : Pluto Press, 2016.
13. Anner M. Labor Control Regimes and Worker Resistance in Global Supply Chains // Labor History. 2015. Vol. 56, № 3. P. 292–307.
14. Giattino C., Ortiz-Espina E., Roser M. Working Hours. URL: <https://ourworldindata.org/working-hours> (accessed: 21.12.2020).
15. International Labour Organization. Statistics on labour productivity. URL: <https://ilo-stat.ilo.org/topics/labour-productivity/> (accessed: 10.12.2020).
16. World Bank. Life expectancy at birth, total (years) URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN> (accessed: 06.12.2020).
17. Presentation World Robotics 2020 // International Federation of Robotics. URL: https://ifr.org/downloads/press2018/Presentation_WR_2020.pdf (accessed: 04.12.2020).
18. Five Trends in Russian Robotics // International Federation of Robotics. URL: <https://ifr.org/post/five-trends-in-russian-robotics> (accessed: 04.12.2020).
19. Industrial Robots Market in Russia Remains Small Despite Significant Growth // Russia Business Today. 2019. September 20. URL: <https://russiabusinesstoday.com/manufacturing/industrial-robots-market-in-russia-remains-small-despite-significant-growth/> (accessed: 04.12.2020).
20. Rifkin J. The End of Work. The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. New York : G.P. Putnam's Sons, 1995.
21. Unemployment rate // OECD. Data. URL: <https://data.oecd.org/unemp/unemployment-rate.htm> (accessed: 12.05.2021).

Azat B. Rakhmanov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: azrakhmanov@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 62. pp. 122–138.

DOI: 10.17223/1998863X/62/11

ROBOTS, FREE TIME, MEDITERRANEAN CUISINE AND CHILEAN PARADOX: DEVELOPMENT OF THE GLOBAL PROLETARIAN CLASS

Keywords: global capitalism; transnational classes; global proletariat; robots; work; life expectancy; climate, cuisine

The genesis of global capitalist society envisages the appearance of classes embracing the whole humanity – transnational (global) capitalist class and transnational (global) proletarian class. The concepts of American scholars I. Ness, D. Strun and M. Enner, dedicated to various aspects of existence of the global proletarian class, are discussed in the article. The author undertakes a research on the duration of working time, productivity of work and life time as the main characteristics of the social being of proletarian classes in the leading world countries. One of the indexes of development of the country's productive powers is the use of industrial robots. The productive powers development and work productivity growth result in gradual displacement of manual work by intellectual work and in increase of the creative content of work. These processes lead to a decrease of working time and appearance of the free time phenomenon. The labor and trade union movement in Western countries and the example of the social policy in the USSR also contributed to a decrease in the duration of working time, but were of secondary significance. At the same time, the decrease of the set duration of labor at enterprises does not mean the “end of labor” since creative labor technically fills in the free time. The border between working time and free time in the conditions of high-tech economy vanishes. The analysis of the leading world countries demonstrates that life time depends not only on social and economic factors (income, quality and quantity of commodities, level of medicine and education, etc.), which is finally determined by the level of the country's productive powers development. The geographic location (proximity to a warm sea or an ocean), climate and nature of national nutrition traditions influence life time. It is prompted by the paradox of Chile: being a developing country with an average level of work productivity, life time in the country is close to developed countries or even overpasses them.

References

1. Robinson, W. & Harris, J. (2000) Toward A Global Ruling Class. Globalization and the Transnational Capitalist class. *Science & Society*. 64(1). pp. 11–54.
2. Robinson, W. (2014) *Global Capitalism and the Crisis of Humanity*. New York: Cambridge University Press.
3. Struna, J. (2009) Toward a Theory of Global Proletarian Fractions. *Perspectives on Global Development and Technology*. 8. pp. 230–260.
4. Lüthje, B., Hürtgen, S., Pawlicki, P. & Sproll, M. (2014) *From Silicon Valley to Shenzhen. Global Production and Work in the IT Industry*. Lanham: Rowman & Littlefield.
5. Dyer-Witheford, N. (2015) *Cyber-Proletariat. Global Labour in the Digital Vortex*. Toronto: Pluto Press.
6. Teeuwen, R. & Hantke, S. (2007) *Gypsy Scholars, Migrant Teachers and the Global Academic Proletariat. Adjunct Labour in Higher Education*. Amsterdam, New York: Rodopi.
7. Rossi, A., Luinstra, A. & Pickles, J. (2014) *Towards Better Work. Understanding Labour in Apparel Global Value Chains*. New York: Palgrave Macmillan.
8. Royle, T. & Towers, B. (eds) (2002) *Labour Relations in the Global Fast-Food Industry*. London, New York: Routledge.
9. Peterson, H. (2017) *Gender in Transnational Knowledge Work*. Switzerland: Springer International Publishing.
10. Lu, Y., Samarasinghe, R. & Härtel, C.E.J. (2015) *Skilled Migration, Expectation and Reality. Chinese Professionals and the Global Labour Market*. Burlington: Gower.
11. Atzeni, M. & Ness, I. (2018) *Global Perspectives on Workers' and Labour Organizations*. Singapore: Springer.
12. Ness, I. (2016) *Southern Insurgency. The Coming of the Global Working Class*. London: Pluto Press.
13. Anner, M. (2015) Labor Control Regimes and Worker Resistance in Global Supply Chains. *Labor History*. 56(3). pp. 292–307. DOI: 10.1080/0023656X.2015.1042771
14. Giattino, C., Ortiz-Espina, E. & Roser, M. (n.d.) *Working Hours*. [Online] Available from: <https://ourworldindata.org/working-hours> (Accessed: 21st December 2020).
15. International Labour Organization. (n.d.) *Statistics on labour productivity*. [Online] Available from: <https://ilostat.ilo.org/topics/labour-productivity/> (Accessed: 10th December 2020).

16. World Bank. (n.d.) *Life expectancy at birth, total (years)* [Online] Available from: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN> (Accessed: 6th December 2020).
17. International Federation of Robotics. (2018) *Presentation World Robotics 2020*. [Online] Available from: https://ifr.org/downloads/press2018/Presentation_WR_2020.pdf (Accessed: 4th December 2020).
18. International Federation of Robotics. (n.d.) *Five Trends in Russian Robotics*. [Online] Available from: <https://ifr.org/post/five-trends-in-russian-robotics> (Accessed: 4th December 2020).
19. *Russia Business Today*. (2019) Industrial Robots Market in Russia Remains Small Despite Significant Growth. 20th September. [Online] Available from: <https://russiabusinesstoday.com/manufacturing/industrial-robots-market-in-russia-remains-small-despite-significant-growth/> (Accessed: 4th December 2020).
20. Rifkin, J. (1995) *The End of Work. The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era*. New York: G. P. Putnam's Sons.
21. OECD. (n.d.) *Unemployment Rate. Data*. [Online] Available from: <https://data.oecd.org/unemp/unemployment-rate.htm> (Accessed: 12th May 2021).